

РЕНТА, ВЛАСТЬ, ОЛИГАРХИ И НАРОД: АЛЧНЫЙ НИГИЛИЗМ

В предыдущей публикации мы говорили о том, что нужно было случиться мировому финансовому кризису и совпавшему с ним мировому обвалу цен на минеральное сырье, чтобы понять, что в недропользовании необходимо сильное государство, способное управлять недропользованием.

Мы также говорили о том, что любой государственный налоговый режим, оставляющий такие огромные средства в руках частных корпораций, эксплуатирующих общественные ресурсы, попросту не выполняет своей главной обязанности — заботы о преумножении благосостояния граждан.

Сегодня мы попробуем доказать наличие правового нигилизма государства в сфере горной, ценовой и социально-экономической ренты: пока что все институты государственной машины защищают и формируют общественное мнение о праве олигархов и недропользователей на частную собственность на ренту. При этом утверждается, что гражданское общество в России не имеет права на получение какой-либо доли ренты, что, будто бы, налоговая система изымает достаточную часть ренты в бюджет и надо довольствоваться этим.

Недропользователи присвоили незаработанную ренту, создали из нее мощнейшие резервы на счетах в офшорах, из «эффективных собственников» став «эффективными должниками».

А государство через налоги, уплачиваемые гражданами, помогает должникам выйти из кризиса, вместо мер по недопущению вывоза за рубеж ренты.

Вот уже, воистину, битый небитого везет.

Политика определяется правовыми и экономическими отношениями собственности, а также государственными институтами, регулирующими эти отношения.

Политика горной ренты: капиталистическая или социально-экономическая

Капиталистическая политика по отношению к горной ренте устанавливает частно-властное изъятие, распределение, использование и присвоение ренты в интересах узкого круга рентополучателей. При этом рента рассматривается как частная собственность недропользователей, как доход, заработанный ими в процессе добычи.

Другими словами, рента отождествляется с доходом недро-

пользователя, представляющим прибавочную стоимость владельцев добывающих предприятий. Из этого дохода капиталисты уплачивают налоги по действующей системе налогообложения. Это позволяет властям утверждать, что владельцы предприятий выполнили свой общественный долг и, якобы, законно заработали чистый доход, включающий сумму чистой прибыли и амортизацию.

Естественно, при таком подходе умалчивается рентное происхождение львиной доли этого чистого дохода. Соответственно, все государственные институты организованы и исправно функционируют в поддержку такой капиталистической политики, отлажены и исправно функционируют схемы добровольно-принудительного изъятия солидной части этого чистого дохода в виде чиновничьей ренты.

Но при таком же капиталистическом способе производства во многих других странах, при обязательном образовании прибавочной стоимости, государственные институты выделяют горную ренту (созданную природой и не заработанную недропользователями) и концентрируют ее в специальных фондах, расходование которых нацелено на решение социально-экономических проблем гражданского общества.

Финансовое состояние фонда, направления его расходования публикуются, публично обсуждаются и координируются наблюдательным советом, в котором представлены все основные слои капиталистического общества. Естественно, что о чиновничьей ренте в этом случае не может быть и речи.

Читатели, если они, конечно, не олигархи и не коррупционеры, понимают, что и в России должна быть социально-экономическая политика по отношению к горной ренте, тем паче, что наша страна рентаобильная. Рентонаправленная социально-экономическая политика является основой государственного строя и государственных институтов в большинстве нефтедобывающих стран: а это Норвегия, ближневосточные арабские страны (ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт), Канада, Велико-

британия, Америка (отдельно взятый ее штат — Аляска), Катар, Бруней и многие другие.

Однако в России пока отсутствуют регламенты и узаконенные подходы к расчету ренты. Негласно, де-факто, вопреки закону «О недрах», принято, что добытые полезные ископаемые становятся собственностью недропользователей, хотя де-юре право собственности должно быть установлено в лицензионном соглашении на пользование недрами.

Известно, что из нескольких десятков тысяч действующих лицензионных соглашений всего лишь, примерно, в 100–150 лицензиях зафиксировано право частной собственности на добытые полезные ископаемые.

Если добытые полезные ископаемые считаются собственностью недропользователя, то рента также становится его собственностью — и тогда социально-экономические притязания гражданского общества России на свою долю в этой ренте являются неуместными. И пока что все институты государственной машины защищают и формируют общественное мнение о праве олигархов и недропользователей на частную собственность на ренту.

Рента и правовой нигилизм

Еще будучи кандидатом в президенты, Д. Медведев обвинил российский народ в правовом нигилизме. Хотя на деле все прямо наоборот: не российский народ является носителем правового нигилизма, а законодательная, исполнительная и судебная ветви власти, которые создали государственный правовой нигилизм, особенно обострившийся в современных условиях российского кризиса.

Попробуем рассмотреть правовую нигилизм государства в отношении горной, ценовой и социально-экономической ренты. Политики сейчас очень часто употребляют слово «рента». В последние годы во всех посланиях президента Федеральному Собранию РФ говорится о необходимости изъятия ренты в бюджет, о недопустимости частного присвоения ренты и т.д. и т.п.

Но ни в одном официальном законодательном документе не приводится определение понятия «рента». Это слово вообще не присутствует в законодательстве о недропользовании. Нет слова «рента» в Налоговом кодексе РФ. Хотя правительственные чиновники часто на словах утверждают, что налоговая система России нацелена на изъятие горной ренты, что налог на добычу полезных ископаемых является, якобы, прямым и достаточным рентным налогом.

В отличие от ренты, законодательство о недрах есть. Это — прежде всего закон «О недрах» и почти три десятка законодательных актов, призванных регулировать рациональное и эффективное недропользование. Но, увы, действующее законодательство о недрах породило безответственность недропользователей, хищническую добычу, частно-властное присвоение ренты и многие другие пороки добывающих отраслей, что, в конечном итоге, привело к непоправимо низкому эффекту функционирования геологоразведки и тенденции падения добычи.

Закон «О недрах» — один из первых законов, принятых в 1992 году на заре молодой рыночной России. Автор этих строк тогда радовался четкости и ясности этого закона. И если бы закон остался без каких-либо изменений, то вряд ли сегодня случился бы в России столь серьезный национальный кризис.

Однако в закон «О недрах» более 50 раз вносились поправки, которые лоббировали олигархи. Он изменился до неузнаваемости. И теперь это не закон «О недрах», а закон о праве незаконного пользования недрами.

Статья 17.1 закона «О недрах» ввела в 1995 году право торговли участками государственного фонда недр, в итоге чего, в отличие от мировой практики, дважды, в 1995–1996 и 2000–2001 годах происходил массовый передел собственности в недропользовании, а в 2008 году начался третий передел, являющийся одним из символов разразившегося кризиса в России.

К сожалению, потемкинские деревни сохранились у нас еще с царских времен, а победоносные

рапорты — с советских. Все геологи (в том числе и те, которые на государственной службе) прекрасно понимают, что начиная с 1992 года геологическая наука и геоло-

В настоящее время примерно половина российской ценовой ренты изымается в бюджет в виде высоких вывозных таможенных пошлин на нефть и низких на газ

гическая отрасль все больше и больше приходят в упадок. Что геология, которая должна быть предводителем недропользования, таковой не является.

Тем не менее, в последние годы, особенно начиная с 2000 года, пишутся и представляются в правительство победоносные рапорты о, якобы, воспроизводстве запасов, объем которых превышает добычу.

При министре В.Артюхове (который удивлялся, как это «пермская» нефть дотекла до о. Сахалин) придумали термин «ресурсы, приведенные к условным запасам категории C_1 ». Возникла условность на условности: из условных запасов на бумаге рождаются условные месторождения. Но ведь на условных месторождениях может быть только условная добыча. Точнее, на условных месторождениях ничего добывать нельзя. Поэтому реальная добыча начала падать.

Не могу понять, зачем мы уже десятый год воспроизводим условные запасы, открываем условные месторождения. Очевидно, пора прекратить обманывать друг друга, общество и правительство. Радует, что 16 июня с.г. на заседании правительства РФ В.Путин заключил, что результатом ГРП должны быть полностью подготовленные к освоению месторождения полезных ископаемых. Искренне надеюсь, что эти слова станут на деле путеводными и для государства, и для геологов, и для общества. Что они помогут возродить геологическую отрасль, конечно, исключив из обихода потемкинские запасы и победоносные рапорты.

Ныне же геологию раздробили по субъектам. Она стала маломощной, неповоротливой, неспособной решать задачи, нацелен-

ные на крупные открытия новых месторождений. И сегодня, по нашему глубокому убеждению, нужно вернуться к конкурентоспособным крупным региональным (не по субъектам РФ) геологическим объединениям с целевой направленностью на открытие и подготовку (вплоть до детальной разведки) месторождений для освоения.

Какие виды ренты образуются в экономике России

Хотя законодательно понятие ренты в России отсутствует, тем не менее, российская экономика и ее взаимодействие с мировой экономикой объективно генерируют различные виды ренты в большом количестве. Классики ренты выделяли абсолютную и дифференциальную ренты

Абсолютная рента — это право собственника недр (российского государства, призванного представлять интересы гражданского общества) получать одинаковый доход (и изымать его, допустим, в бюджет) от каждой единицы добытого минерального сырья, независимо, на каком месторождении оно добыто, и независимо, по какой технологии добычи.

С определенной долей условности можно предположить, что действующий в России механизм установления и изъятия в бюджет налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) соответствует изъятию у недропользователей абсолютной горной ренты.

Дифференциальная горная рента — образуется вследствие разных физико-географических, природных, геолого-технологических, инфраструктурных и т.п. условий добычи на каждом конкретном месторождении. В свою очередь, дифференциальная горная рента делится на два вида.

Дифференциальная горная рента I-го рода, которая не зависит от недропользователя. Конкретная величина этой ренты устанавливается на основании геолого- и социально-экономической оценки. Частично необходимость такой оценки установлена в 1995 году в статье 23.1 закона «О недрах». Но соответствующие методики до сих пор не утверждены федеральным

органом управления государственным фондом недр. Вместе с тем, такие методики имеются. После утверждения они могут стать основой изъятия дифференциальной ренты I-го рода.

Дифференциальная горная рента II-го рода образуется в том случае, если недропользователь применяет инновационные технологии добычи полезных ископаемых. По классической теории ренты эта ее часть принадлежит по праву собственности недропользователям.

Ценовая рента

Разность мировых цен и внутренних российских цен на минеральное сырье представляет собой ценовую ренту. В настоящее время примерно половина российской ценовой ренты изымается в бюджет в виде высоких вывозных таможенных пошлин на нефть и низких на газ. По всем другим полезным ископаемым ценовая рента в случае их реализации за рубеж в России не изымается.

Социально-экономическая рента.

Недропользователи вместе с месторождениями получили в пользование инфраструктуру, промыслы, основные фонды, которые были созданы в советское время. Это дает им два вида дохода: (1) увеличение ренты за счет сниженных удельных затрат на единицу товарной продукции и (2) возврат через «амортизационные отчисления» стоимости основных фондов. Амортизация идет полностью в чистый доход недропользователя.

При этом государство разрешает раз в два года увеличивать (переоценивать) стоимость основных фондов с учетом инфляции, в итоге чего снижается налог на прибыль, поступающий в бюджет.

Таким образом, вложенные в советское время средства в поиски, разведку, освоение и обустройство месторождений (незаработанные доходы) переходят в карманы собственников компаний. Это — потрясающий экономический феномен рыночной России. Мало того, что недропользователям практически бесплатно передали сотни тысяч скважин, промысловые объекты, здания, соору-

жения и другие объекты, построенные на месторождениях, так еще позволили недропользователям амортизировать эти объекты, включать их в себестоимость.

Кстати, в СССР амортизация изымалась в доход государства и направлялась на капвложения, в том числе в глубокое бурение на нефть и газ.

Чиновничья рента (чиновничья часть ренты).

Чиновничья рента — это порождение российской экономической действительности, точнее, коррупционной составляющей российской экономики, когда недропользователи в добровольно-принудительном порядке обязаны делиться рентой с чиновниками.

Есть ли резервы в закромах недр

Изъятие незначительной части нефтегазовой горной ренты и более половины ценовой ренты позволило государству — начиная с 2004 года — создать стабилизационный фонд (сейчас Резервный и Фонд национального благосостояния), увеличить золотовалютные резервы.

Однако любое действие в экономике имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, накопить деньги вроде бы и неплохо. Но с другой стороны, эти деньги использовались неэффективно, хотя они были очень нужны для диверсификации экономики России. Сегодня все кому не лень говорят, что надо было модернизировать, инновационизировать, интеллектуализировать экономику. Короче, надо было не только и не столько добывать сырье, сколько творчески перерабатывать его на заводах... которые почему-то (по чьей вине?) не модернизировали (к примеру, НПЗ), а новые заводы не построили.

Допустим, что создание копилки резервов было полезным действием. Но наступила пора раскупорить эту копилку, потому что нас накрыл международный финансовый кризис. И мы раскупорили копилку. И что? Стало ли лучше? Помогла ли нам копилка? Отнюдь! Наоборот, она почему-то плавно и скоротечно в виде оттока капиталов переместилась за

рубеж. И почему-то никто это бегство капиталов не остановил.

Зачем же мы копили резервы?

Или возьмем, к примеру, Фонд национального благосостояния. Название очень красивое, успокаивающее, ласкающее слух. Но оказывается, что Внешэкономбанк, который отвечает за эффективное использование фонда, употребил его деньги в конце 2008 года на покупку акций Сбербанка России, «Газпрома», «Норникеля» и т.п.

И это в то время, когда стремительно росла безработица, снижался уровень средней зарплаты, росли долги по зарплате и другие параметры благосостояния. Правда, ВЭБ утверждает, что скоро эти акции продаст. Но кто и зачем их купит?? А если кто-то и купит, то вернутся ли деньги (и сколько) в фонд национального богатства??

Или говорим о необходимости слезания с сырьевой иглы, а сами все больше залезаем в ее ушко. Взять, к примеру, широко рекламируемый сегодня кредитный договор с Китаем (\$25 млрд), в том числе на строительство ВСТО с ответвлениями в Китай. Радует, что «выбили» из Китая кредит. Но надо не радоваться, а горевать, что великая Россия не может сама построить нефтепровод. Неплохо бы вспомнить, сколько газо- и нефтепроводов было построено в короткие сроки в советское время.

Кредиты даром не даются, тем более в кризисные годы. Поэтому России предстоит рассчитывать десятки лет, погашая китайский кредит по демпинговому (если цена вырастет свыше \$75) ценам нашей сырой нефтью. Будем десятилетиями сидеть на ценовой сырьевой нефтяной игле, воткнутой китайцами в нашу экономику. Добавим к этому, что через нефтепровод в Китай потечет значительная часть горной ренты, которая могла бы достаться гражданам России.

Об эффективных собственниках в недропользовании

«Алчность, алчность и еще раз алчность — основа современного кризиса», — резюмировал Р.Гринберг, чл.-корр. РАН, директор Института экономики РАН, на недав-

ней 7-й Международной конференции «Государственное управление в XXI веке. Традиции и инновации» (МГУ, 27.05.09).

Стало притчей во языцех, что государство — неэффективный собственник, что только частный бизнес умеет и знает, как эффективно распоряжаться собственностью. Нам это вдальбливают в сознание уже почти двадцать лет.

Однако через призму национального кризиса вдруг (вдруг ли?) обнаружилось, что частный бизнес не такой уж эффективный собственник. Основные крупные компании и оказались основными должниками, не способными осуществлять выплаты по кредитам. Сегодня этот долг превышает \$450 млрд.

И почему-то государство начало выплату этих долгов, причем осуществляется это из бюджета, то есть за счет средств налогоплательщиков, другими словами, граждан России. Невероятно и странно, но факт, что именно крупнейшие недропользователи первыми стали в очередь на получение господдержки. Еще более невероятно и странно, но факт, что государство им эту поддержку предоставило.

Вывезенную ренту уже вряд ли вернешь, и власть употребить надо бы на то, чтобы ввести в действие рентное налогообложение

Нельзя обойти молчанием выплату дивидендов в недропользовании за 2008 год, в котором четыре-пять месяцев бушевал кризис. Оказывается, что при имеющихся долгах, при оказанной господдержке, при сокращении добычи и экспорта, при оттоке капиталов дивиденды в большинстве компаний остались и даже превышают уровень докризисного 2007 года. Значит, копилка личных счетов в офшорах пополнится дивидендами. Видимо, кризисные времена не помеха олигархической мудрости: красиво жить не запретишь.

Мечты сбываются?

И поскольку вывезенную ренту уже вряд ли вернешь, то власть употребить надо бы на то, чтобы ввести в действие рентное налогообложение.